

Глава первая

ПЕРВЫЕ ДНИ

Все началось со счастливой перемены погоды. Мы с моей женой Дженни удрали от сурового английского лета, намереваясь провести две идиллические недели на Лазурном Берегу, где, судя по всеобщему убеждению, солнце светит триста дней в году. Но именно тот год оказался исключением. Дождь лил обильно и часто. Напитавшись влагой, мешковато повисали пляжные зонты. Наблюдающие за пляжами молодые люди — *plagistes* — с бронзовым загаром и в промокших шортах прятались в своих домиках. Кафе на Английской набережной были заполнены отчаявшимися родителями и капризными детьми — ведь последним было обещано, что они целый день будут резвиться в море. Между тем в «Интернешнл геральд трибьюн» сообщали о накрывшей Англию жаре, так что,

собираясь уехать из Ниццы, мы надеялись, что еще успеем застать жаркое лето дома.

В подобной невеселой ситуации хочется какого-нибудь утешительного приза. Мы подумали, не отправиться ли нам в Италию, сев на паром, идущий до Корсики, или, может быть, предпринять довольно долгое путешествие на автомобиле и поспеть к ужину в Барселону. Но в конце концов мы все-таки решили прокатиться по Франции. Будем выбирать второстепенные дороги вместо автобанов, решили мы, потому что даже под дождем они казались нам гораздо приятнее и интереснее, чем вереницы грузовиков и передвижных домов-автоприцепов на центральном шоссе, ведущем на север. Кроме того, наше знакомство с Францией на тот момент ограничивалось Парижем и побережьем. Так что нам предстояло исследовать неизведанную территорию.

В те далекие дни у нас не было GPS, приходилось пользоваться картами. На карте мы и нашли одно из немногих знакомых названий — Экс-ан-Прованс. Там должны быть рестораны. Возможно, даже солнце. И мы отправились.

Французская национальная трасса RN 7, по-моему, вполне соответствует знамени-

той американской автомагистрали 66, на которой, как поется в старой песне, «ловят кайф». Кайф на французской трассе был особенно ощутим в июле и августе, когда весь Париж ехал по главному на тот момент шоссе южного направления. И у этой трассы тоже была своя знаменитая песня, исполнявшаяся Шарлем Трене. В ней то и дело звучали слова «солнце», «голубое небо», «каникулы», а также обещания великолепного времяпрепровождения.

Реальность не вполне соответствовала песне. RN 7 — это вечно забитая трасса, и в тот день по ней тоже двигались из одного конца страны в другой тысячи грузовиков. Их водители — как правило, очень крупные мужчины — поглядывали сверху вниз на соседние автомобили с угрожающим видом, который являл собой весьма красноречивое предупреждение: «Только попробуй обгони! Мало не покажется. Если жизнь дорога, не торопись перестраиваться».

Постепенно дождь начал стихать, и к тому моменту, как мы достигли Экса, на сером небе появились внушающие надежду проблески голубизны. На радостях мы решили отправиться в старейший бар в городе под названием «Два гарсона». Он был

основан в 1792 году и теперь стал скорее исторической достопримечательностью, чем просто баром. Некогда сюда хаживали Сезанн и Золя, Пикассо и Паньоль, Пиаф и Камю. Его терраса выходит на Кур-Мирабо, самую красивую улицу в Эксе, с платанами и фонтанами. Отсюда лучше всего наблюдать за прохожими. Неожиданно веселая атмосфера, присущая этому заведению, была нарушена выстрелами в туалете. Постыдное предположение, что виновник — это официант, не получивший чаевые, было признано враньем, и жизнь вновь вошла в обычное русло.

Потягивая *rosé*¹, мы вновь принялись изучать карту и на северной стороне горного массива Люберон обнаружили множество разбросанных деревень. Картина показалась многообещающей, и, кроме того, мы вполне могли вернуться в Англию через эти края. Так что после настоящего провансальского завтрака, состоявшего из кролика под горчичным соусом и потрясающего яблочного пирога, который нам подал официант, словно только что явившийся со съемок фильма — белый фартук, изрядное

¹ Розовое вино, розе (фр.). — Здесь и далее примеч. переводчика.

брюшко, незабываемые роскошные усы, — мы были готовы штурмовать любую гору, поднявшуюся на нашем пути.

Чем дальше мы отъезжали от Экса, тем больше расступались облака, открывая голубое небо. Солнце еще пряталось, но день становился приятнее, а пейзаж постепенно менялся. Раскинувшиеся просторы были красивы и довольно безлюдны. Виноградников и полей подсолнухов явно было больше, чем зданий, но те домики, что попадались нам на глаза, казались очаровательными — древние камни, поблекшая черепица, как правило скрытая под сенью нескольких древних платанов или аллей кипарисов. Как мы узнали позже, это был типичный провансальский пейзаж. Мы полюбили его тогда и любим до сих пор.

Время от времени пустые поля сменялись деревнями с башенкой церкви, возвышающейся над разбросанными в беспорядке каменными домами. В верхних окнах некоторых из них было вывешено на просушку белье, и мы решили, что это хороший знак: значит, местные, которые всегда умеют предсказывать погоду, ждут солнца. И точно, как только мы въехали в Природный региональный парк Люберон (так он был обозначен на карте), солнце вышло

из-за облаков, яркое и радостное, и сразу же все вокруг стало ясным и четко очерченным, словно кто-то выгравировал окружающий пейзаж на фоне неба. Казалось, серые, дождливые дни в Ницце остались на другой планете.

Теперь вдалеке уже виднелся Люберон. Длинный и низкий горный массив больше не казался нам особенно скалистым и страшным. Это были вполне подходящие горы. Через них даже была проложена дорога, которая, судя по всему, шла по всей их протяженности, от южной стороны, где находились мы, до северной. Мы поехали по ней, оставив позади деревню Лурмарен, и оказалось, что это единственный ровный участок бетонки на несколько миль. Потом начались повороты. Впервые в жизни меня укачало в машине. А что еще хуже, дорога была узкая, часто с отвесной скалой по одну сторону и крутым обрывом по другую. Появились встречные машины. От мотоциклов еще удавалось увернуться, хотя они мчались как по гоночной трассе, но другие машины могли проехать лишь в том случае, если мы почти вплотную прижимались к скале. Труднее всего было избежать столкновения с трейлерами и «домами на колесах», особенно на поворотах. Наша машина

почти царапала камень. Животы у нас втягивались, дыхание останавливалось. Дженни предусмотрительно зажмуривала глаза.

Легче стало, когда дорога выровнялась и расширилась, а указатель сообщил, что впереди нас ждет аванпост цивилизации — деревня Боньё. Оказалось, что эта деревня похожа на те, что обычно изображают на открытках, — уютившаяся на холме и с видами на долину, которая простирается миль на десять. Мы вновь стали исследовать карту в поисках следующей остановки, и наше внимание привлекло набранное жирным шрифтом название: «Деревня де Бори». «Что это за Бори? — подумали мы. — Члены небольшой привилегированной касты, которым разрешается иметь собственную деревню? А может, это убежище для редких горных животных? Или в наш свободный век там расположилась колония нудистов?» Мы решили проверить.

Когда наконец мы добрались до деревни, нудистов в ней не обнаружилось. Зато мы увидели несколько удивительных небольших зданий, построенных из шестидюймовых плит местного известняка без использования бетона. Это-то и были «бори», всего двадцать восемь домов. Их построили в XVIII и XIX веках, и они немного похо-

дили на гигантские ульи. Здесь были загоны для овец, пекарни, домики для выращивания тутового шелкопряда, сараи, амбары — необходимые постройки той эпохи, и все в ухоженном состоянии.

Как всегда бывает после погружения в историю, нам захотелось чего-то нового. К счастью, проехав еще немного вверх по дороге, мы увидели деревню Горд. Сегодня этот городок — образец сельской модернизации с хорошими гостиницами и ресторанами, бутиками и, особенно в летние месяцы, постоянным потоком туристов. Однако в те годы это была сонная деревня, почти пустынная, поразительно красивая; она напоминала выполненные в камне декорации для кинофильма.

Горд известен с 1031 года, и, проходя по его главной площади, мы легко представляли себе, каким он был тогда, — в нем не многое изменилось. Столетия пребывания под южным солнцем оставили свой след на цвете зданий, сделав их нежно-медовыми. Столетия мистралей — ветров, которые время от времени проносятся по Провансу, — отшлифовали камни. Вдобавок к прелестям наступающего вечера на краю площади мы увидели кафе.

Мы сидели на террасе, с которой открывался вид на окружающие просторы, и, думается, в этот момент к нам обоим пришло желание перемен. «Как хорошо было бы здесь жить», — подумали мы. За долгие годы мы отработали свое в офисах Нью-Йорка и Лондона, и нам хотелось более простой и солнечной жизни.

Начинался закат, и пришлось подумать о ночлеге. Официант, прищелкнув языком, покачал головой. В Горде он ничего порекомендовать не может, но если доехать до Кавайона, ближайшего большого города, там, безусловно, найдутся все удобства.

Кавайон — дынная столица Франции, а по сути, и всего мира, если верить местным любителям дыни. Не так уж он бесподобно красив — скорее искусно построен, чем живописен, — но после Горда он показался нам большим и шумным. Здесь мы, без сомнения, найдем и приличный ужин, и ночлег.

С гостиницей все оказалось просто. Мы увидели ее сразу при въезде в город. Она удачно расположилась на главной улице, слегка обшарпанная, но не без некоторого бывшего очарования. Дама за стойкой регистрации — тоже не без бывшего очарования — приветствовала нас с улыбкой.

— Не найдется ли у вас номера на одну ночь? — попросили мы.

Она удивленно подняла брови:

— На одну *ночь*?

Она провела нас по главному коридору гостиницы к маленькому номеру, попросила заплатить вперед и порекомендовала ресторан в двух минутах отсюда.

Ресторан «У Жоржа» вполне соответствовал нашим ожиданиям. Краткое меню, бумажные скатерти, много посетителей, аппетитный запах, щекотавший ноздри всякий раз, как распахивалась дверь на кухню. Начали мы, конечно, с кавайонской дыни. Именно такой и должна быть дыня — ароматной и сочной. Заказанное вино в глиняном кувшине подал пожилой господин, по видимому сам Жорж. После дыни он посоветовал взять их фирменное блюдо *steak frites*. Стейк был великолепен, а картофель фри заставил бы прослезиться от наслаждения любого гурмана. Ломтики картофеля были в меру поджаристыми, без следов масла или жира, легкие и хрустящие. Если такова настоящая провансальская кухня, то поскорее бы еще раз отведать что-нибудь подобное!

Но день был долгий, и нас манила гостиничная кровать. В коридоре гостиницы,

пока мы шли к своему номеру, мимо нас проскользнуло несколько мужчин, явно пытаясь остаться незамеченными, и, как только мы закрыли дверь, слышались разнообразные звуки — женское хихиканье, взрывы мужского хохота, хлопанье дверями. Похоже было, что другие постояльцы, люди явно веселого нрава, устроили вечеринку.

Так продолжалось почти всю ночь. Двери хлопали, кто-то громко топал туда-сюда по коридору, заснуть было невозможно. И только позже нам сказали, что мы ночевали в местном борделе.

Глава вторая

ДОМ РОДНОЙ

Одно дело — мечтать о перемене места жительства, сидя на солнечной террасе, и совсем другое — вернувшись в реальный мир. В Англии Прованс с каждым днем становился для нас все более далеким, но и все более желанным. На этом этапе мы еще даже не знали толком, где именно хотели бы жить. Если включать в Прованс Лазурный Берег (чего мы не делали, потому что он не похож на истинный Прованс), весь регион охватывает более тридцати тысяч квадратных километров, от гор на севере до пляжей Кассиса и Марсея на юге. Так что, зная совсем немного о своем будущем доме, мы поначалу ограничились мечтаниями и чтением путеводителей, которые только усиливали наше нетерпение.

Дженни, по крайней мере, подошла к делу более конструктивно и записалась на

курсы французского языка, где ее окружали одни подростки. Я же оставался убежденным сторонником использования школьного французского, сопровождавшегося в моем случае таким акцентом, что одна женщина в Горде воскликнула: «*Mais monsieur, vous parlez français comme une vache espagnole!*»¹ Сначала я принял ее слова за комплимент с оригинальным идиоматическим выражением, но позже выяснилось, что она и в самом деле сравнила мой выговор с мычанием испанской коровы.

Когда зима зашлепала по влажной английской грязи, мы стали искать утешения в географических картах путеводителя *Guide Michelin* и принялись строить планы вернуться в Прованс в начале лета. На этот раз нужно было подготовиться тщательнее и по-деловому. Сколько будет стоить проживание? Хорошо ли там относятся к англичанам-эмигрантам? Следует ли нам получить вид на жительство? Оформить ли нашим двум собакам специальные паспорта? А ужасные французские налоги? Мы рассуждали часами, основываясь на собственном оптимизме и невежестве. Кажется, это была самая долгая зима на моей памя-

¹ Но, месье, вы говорите по-французски, как испанская корова! (*фр.*)

ти, но наконец она закончилась, и мы смогли, по крайней мере в мыслях, надеть шорты и солнцезащитные очки. Пришло время ехать.

Мы часто замечали, что, когда англичане отправляются за границу на своих машинах, они доверху наполняют их всем английским: тут и огромные чайные коробки, и любимый заварочный чайник, и шоколадное печенье, и зимние свитеры независимо от времени года (так, на всякий случай), и пара небольших шезлонгов, и зонтики, и *неизменно* средства от расстройства желудка, поскольку всем известно, что иностранцы обычно добавляют в пищу бог знает что.

Мы же пытались загрузить машину по минимуму, чтобы осталось место для оливкового масла и вина, которое собирались привезти назад. Когда едешь по Провансу, один из самых приятных отвлекающих моментов — это большое количество винодельческих ферм, соблазняющих путешественников: так и хочется заглянуть и промочить пересохшее горло. Подобный визит всегда заканчивается покупкой парочки бутылок вина. Удивительно приятный и цивилизованный способ заняться винным шо-

пингом. Остановитесь ли вы в старом фермерском доме или в миниатюрном Версале в конце двухсотметровой подъездной дороги в три полосы, вас всегда примут с теплотой, вниманием и частенько с чем-нибудь вкусным.

Но сначала нам нужно было добраться до места — паромом до Кале, а затем проехав на юг по обширной территории Франции. Численность населения в наших двух странах более или менее одинаковая, однако земли во Франции в три раза больше. Это становится очевидным, когда переезжаешь страну с одного конца в другой. Километрами тянутся открытые пространства, и кажется, что здесь трудилась целая армия ландшафтных дизайнеров — аккуратные поля и живые изгороди, добротные заборы, безусловно прямые тракторные колеи. И как правило, пейзаж пуст — ни домов, ни людей.

Поговорка гласит, что «Прованс начинается в Валенсии», и действительно, как только мы проехали Валенсию, цвет неба стал меняться, изменилась архитектура. Кирпич и шифер уступили место терракотовой черепице. Солнце уже отличалось бóльшим постоянством, температура поползла вверх. Почти добрались.

С помощью приятеля, который прожил во Франции несколько лет, мы сняли маленькую квартирку рядом с главной площадью Горда. От нее было метров сто до кафе, две минуты до местной булочной, а в соседнем доме располагался многообещающий небольшой ресторанчик. И к тому же в ней был телефон — по тем временам редкость. Чего еще желать?

В первый полноценный день жизни в Горде (хотя пока что мы приехали всего на две недели) перед нами стояли две важные задачи: закупить еды — как в жидком, так и в твердом виде — и найти местного агента по недвижимости. Дела на пару часов. Или так нам казалось.

В те годы супермаркеты, где все покупается за один раз, существовали только в больших городах. В далеких деревеньках Прованса, если тебе был нужен хлеб, ты шел в булочную, мясо — в мясную лавку. Фрукты и овощи, сыр, вино, моющие средства и прищепки для белья продавались в отдельных магазинах, и владелец каждого, специалист своего дела, всегда был рад сообщить вам все, что он знает о предмете. Местные покупатели, в основном пожилые дамы, с подозрением относились к таким рассказам и решительно не желали обна-

ружить среди своих покупок битый персик или гнилой помидор. Хозяин магазина, естественно, вставал грудью на защиту товара. Мял плоды в руках, предлагал понюхать, а если и это не помогало, то попробовать. Весь диалог сопровождался пылкими заверениями, и наконец пожилая дама запускала руку глубоко в кошелек, и покупка совершалась. Эти сцены было забавно наблюдать, но время шло — обычно на две дыни уходило минут десять, — и к полудню кое-что из запланированного мы так и не купили. Увы, в полдень все закрылось. Так мы выучили первый провансальский урок хождения по магазинам: выходи рано, будь терпелив и не опаздывай к обеду.

Найти агента по недвижимости тоже оказалось непросто. Не то чтобы их было мало — даже наоборот. Почти в каждой деревне мы видели по крайней мере один живописный уголок, занятый *agent immobilier*¹. На деревянных ставнях офиса висели фотографии предлагаемой на продажу недвижимости. Эти шедевры сельской архитектуры нам неизменно преподносились как сделка *à saisir* — схватить, пока не схватил другой покупатель. Проблема состояла

¹ Агент по недвижимости (*фр.*).

в том, что, на наш неопытный и ужасно восприимчивый взгляд, все варианты казались подходящими: развалившийся амбар с почти сползшей до земли крышей; миленький деревенский домик, в котором, вероятно не без причины, никто не жил уже двадцать пять лет; голубятня, такая ветхая, что даже голуби оттуда улетели, — все они представлялись нам пригодными для ремонта.

Агенты, конечно, проявляли энтузиазм не меньше нашего, а их язык заставил бы покраснеть даже продавца подержанных автомобилей. Каждая фотография сопровождалась отдельным комментарием — сокровище с неисчерпаемыми возможностями, мечта, редкий и бесценный шанс. Но и это еще не все. Несколько раз нас пытались сразить секретным оружием. По какому-то удивительно удачному стечению обстоятельств находились люди, которые за определенную цену были счастливы нам помочь. При этом многие состояли с агентом в родстве — шурин-архитектор, кузен-электрик, тетушка — ландшафтный дизайнер *extraordinaire*¹.

К счастью, нас спасал здравый смысл. И мы не поддавались на уговоры. Напо-

¹ Необыкновенный (фр.).

мнив себе, что нам нужен дом, где можно было бы жить, а не ремонт на пять лет, мы продолжали поиски.

Между тем деревенская жизнь преподносила нам приятные и любопытные сюрпризы. Вскоре мы поняли, что стали своего рода местной достопримечательностью. Незнакомые люди останавливали нас на улице и интересовались, не подыскали ли мы жилье. Однажды вечером у нас на пороге появился милейший старичок. Убедившись, что мы те самые *les Anglais*¹, он объяснил причину своего визита:

— Говорят, у вас есть телефон. Редкость в нашей деревне.

Да, телефон у нас был.

— *Ah, bon*², — сказал он. — У меня сын. Его жена ждет ребенка, но мы не имеем никаких новостей. Хочу ему позвонить.

Мы провели его к телефону и дали возможность поговорить, предполагая, что разговор займет пару минут. Через четверть часа он вышел к нам, широко улыбаясь:

— У меня внук. Три килограмма.

Мы поздравили старичка. Он поблагодарил и сказал, что оставил кое-что у телефона. И конечно, на столике лежала монетка

¹ Англичане (*фр.*).

² Хорошо (*фр.*).

в двадцать сантимов. Только получив счет, мы узнали, что его сын живет на Мартинике¹.

Жизнь была забавная, увлекательная, иногда приводящая в отчаяние. Последнее объяснялось главным образом нашими стараниями овладеть французским языком, чему никак не способствовала привычка провансальцев говорить с головокружительной скоростью, сопровождая свою речь еще и сбивающими с толку мимикой и жеста­ми — нечто вроде визуальных знаков препинания. Постукивание по носу со значительным видом означало призыв к рассудительности, махание руками намекало на сомнительную точность сказанного. Покусывание большого пальца, похлопывание бицепсов, дерганье за мочку уха, акробатическая игра бровями — все это происходило в ходе вежливой беседы. Одному Богу известно, какие коленца они могут выкинуть во время жаркого спора!

В начале второй недели бесплодных поисков жилья нам наконец улыбнулось счастье: мы познакомились с Сабиной в ее небольшом офисе в Бонье. В отличие от дру-

¹ Гористый остров в Карибском море, департамент Франции.

гих агентов, Сабина слушала, когда мы пытались объяснить ей, чего хотим, и не пробовала продать нам что-то свое. Маленькая и очаровательная, она сразу же завоевала наше доверие, когда предупредила о некоторых подводных камнях деревенской жизни — от любопытства соседей до загадочной древней вражды. Поскольку мы чужаки, сказала она, и тем более чужаки-иностранцы, мы будем в центре особенного внимания и сплетен. Неплохо было бы найти уединенное жилье, подальше от подсматривающих глаз и болтающих языков. Что мы об этом думаем?

Сабина была рада услышать, что мы согласны. И вдруг ее словно осенило. «Ну конечно!» — воскликнула она, хлопнув себя ладонью по лбу, и объяснила, что как раз сегодня утром получила фотографии дома, выставленного на продажу. Идеальный вариант.

Нам показали фотографии. На них мы увидели построенный без особого плана фермерский дом с амбаром. Старинный каменный фасад купался в лучах солнца, под сенью платана спала собака. Нам казалось, что мы почти слышим стрекотание сверчка. Лирическая картинка. Нам поведали и кое-что еще.